

Владимир Жиров

МОЙ
ДОМ
НАОБОРОТ

Владимир Жиров

Мой дом наоборот

«Автор»

2026

Жиров В. Н.

Мой дом наоборот / В. Н. Жиров — «Автор», 2026

Девушка из богатой семьи и парень из простой, который работает курьером и живёт с отцом в хрущёвке, проходят путь от насмешек и неприязни до настоящей любви, бросая вызов стереотипам, сплетням и социальным барьерам, чтобы доказать: счастье не в деньгах, а в умении быть собой и рядом с тем, кого любишь.

© Жиров В. Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1. Розовый скутер и старый велик	6
Глава 2. Золотая клетка	9
Глава 3. Дом, где пахнет деревом	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Владимир Жиров

Мой дом наоборот

Глава

Она мечтала сбежать из пентхауса. Он мечтал остаться дома. Они встретились, чтобы понять: счастье не там, где деньги, а там, где сердце

Глава 1. Розовый скутер и старый велик

Первое сентября в двадцать третьей гимназии всегда было величайшим событием. Не просто линейка, не просто начало учебного года, не просто праздник. Это был светский раут, парад тщеславия и демонстрация родительских кошельков, растянувшийся на весь первый учебный день. Парковка перед школой напоминала выставку элитного автосалона: черные тонированные внедорожники перемигивались с полированными боками серебристых седанов бизнес-класса, а редкие, потому еще и более кричащие спорткары малиновых и лимонных оттенков занимали места строго под табличкой "для персонала". Знаете почему? Нет? Ответ очевиден — мама одного из учеников была попечителем совета директоров и вполне могла себе позволить такие маленькие шалости.

Алиса Ветрова припарковала свой розовый скутер "Vespa" ровно в том месте, где парковала его последние два года, у самого входа, слева от крыльца, там, где начиналась плитка. Это место было ее по праву. Какому праву, спросите Вы? А по праву дочери Ветрова, у которого три отеля в центре, два за городом и прочее, и прочее, и прочее. По праву девочки, чьи туфли не должны даже касаться асфальта по которому ездят машины. По крайней мере, так считала сама Алиса.

Она сняла шлем, тряхнула головой. По плечам рассыпались волосы цвета горького шоколада с выгоревшими на солнце прядями (мастер из салоны "Hair&Beauty" делала их вручную, по тысяче за каждую прядь). Прищулив глаза, оглядела территорию.

Народ подтягивался. Девчонки из ее класса уже маячили у входа, строили глазки мальчикам из параллельного или же делали вид, что очень заняты телефонами. Алиса улыбнулась, предвкушая, как сейчас войдет и моментально все взгляды сойдутся на ней. Только на ней, а не на Катке Золотаревской, которая приехала на такси, потому что ее "Порше" в сервисе. Очень смешно.

Алиса достала зеркальце, проверила стрелки.

"Идеально. — подмигнула своему отражению. — Ровно, четко, ни одной лишней реснички. Можно было входить в храм знаний".

— Эй, принцесса! Отъедь-ка назад. — голос был незнакомый.

Низкий, с легкой хрипотцой. И обращались явно к ней, потому что больше принцесс на парковке не наблюдалось.

Алиса подняла глаза и... брови сами собой поползли вверх. Рядом с ней, буквально в сантиметре от ее скутера, стоял старый велосипед. И вовсе не какой-нибудь стилизованный под ретро "Electra" за двести тысяч, а самая настоящая рабочая лошадка — с поцарапанной рамой, широкими крыльями и здоровенным квадратным коробом-термосумкой сзади. На сумке красовалась наклейка: "Доставка. Быстро. Вкусно. Честно".

— Чего-о? — переспросила Алиса, усилием воли возвращая брови на место.

Тон был выбран соответствующий. Именно так она обычно разговаривала с дворниками, забывшими помыть пол в подъезде.

Парень спешил. Высокий, широкоплечий, в простых синих джинсах, растянутых на коленях, и серой худи, которая видела лучшие времена года три назад. Русые волосы растрепаны. В руке шлем, самый дешевый, черный, без вентиляции. Такие, как правило, носят курьеры, чтобы гаишники не штрафовали. Но глаза... глаза были странные. Светло-серые, почти прозрачные. И смотрели они на Алису без обычного мальчишеского заискивания или стеснения. Смотрели спокойно, даже чуть насмешливо. Алиса даже губы поджала недовольно. Так обычно смотрят на маленького и капризного ребенка.

— Говорю же, отъедь. — повторил он. — Ты путь мусоровозу перегородила. Сейчас приедут забирать контейнеры, а ты тут, как королева бала.

— Во-первых, это зона для учеников. — Алиса вздернула подбородок, демонстрируя идеальную линию шеи. — А во-вторых, я имею право парковаться там, где хочу.

— Во-первых, это тротуар. — парень кивнул на бордюр. — По правилам ты вообще стоять тут не должна. Во-вторых, я тут работаю, а не учусь. Мне через десять минут заказ везти. А вы, принцессы, вечно лезете, куда не просят.

Алиса почувствовала, как к щекам приливает кровь. Ее так никто не называл. Вернее, называли, но за глаза, шепотом, даже с завистью. В глаза же — никогда. Перед ней всегда расступались, улыбались, лебезили. Пресмыкались, как часто приходило на ум такое сравнение.

— Слушай, курьер с багажником. — процедила, выделяя каждое слово. — Тут тебе не трасса. Езжай на своей колымаге в объезд, а меня не учи. И вообще, ты кто такой?

— Я? — парень усмехнулся, но в глазах мелькнуло что-то жесткое. — Я тот, кто не спит на уроках, потому что с утра до вечера на этой "колымаге" по городу мотается. А ты, видимо, та, кто спит и видит, как бы еще папу попросить купить блестяшку. Отъезжай, а?

Он говорил спокойно, без злости, но каждое слово било точно в цель. Алиса открыла рот, чтобы выдать тираду, от которой у любого мальчика из ее круга уши завяли бы бантиком, но сзади взревел мотор. Огромный синий мусоровоз, сверкая боками на утреннем солнце, встал прямо у них за спиной. Алиса невольно вздрогнула всем телом, когда он коротко, но очень даже выразительно посигналил.

Парень поднял бровь, глядя на Алису. Мол, я же говорил.

Алиса, пылая от злости и неловкости, завела скутер, сдала на полметра назад, потом еще немного. Мусоровоз, шурша щетками, прополз мимо, задевая зеркалом ветки кустов. Курьер тем временем спокойно прошел мимо Алисы, ведя велосипед за руль.

— Счастливого учебного года, принцесса. — бросил на прощание. — И удачи на уроках этикета. Походу, прогуливала часто.

И ушел, насвистывая какую-то дурацкую мелодию. Знакомую, даже очень. Но какую именно, вспомнить она никак не могла.

Алиса смотрела ему вслед и чувствовала, как внутри закипает ярость. Она запомнила это лицо. Запомнила эти серые глаза. Запомнила нелепую курьерскую сумку. И прекрасно запомнила эту наглую, спокойную усмешку.

— Козел. — тихо сказала она уже в пустоту. — Нищеврод несчастный.

Но внутри почему-то царапнуло.

"Не спит на уроках, потому что с утра до вечера мотается".

А она спит. На истории спит. На физике в телефоне сидит, а на литературе в окно смотрит. И единственное, о чем мечтает, чтобы родители хотя бы раз в месяц были дома.

Все вместе.

За одним столом.

Алиса тряхнула головой, отгоняя странные мысли. Хватит. Она принцесса. А принцессы не думают о курьерах с дурацкими сумками.

Она вошла в школу, цокая каблучками по мраморному полу.

— Алисонька, с первым сентября! Как загорела! — расцвела улыбкой классная руководительница. — Где отдыхала?

— На Мальдивах, Елена Петровна. — улыбнулась Алиса.

Но улыбка была дежурной. Отработанной до автоматизма.

— Какая прелесть! А мама как?

— Спасибо, хорошо.

— А папа?

— Тоже.

Вранье. Папа был в Лондоне, мама в Париже. Каждый сам по себе. Но Елене Петровне совсем не обязательно знать, что единственным человеком, кто встретил Алису в аэропорту, был водитель дядя Коля с табличкой "Ветрова А."

Она вошла в класс, села за свою парту у окна (лучшее место, само собой разумеется) и приготовилась скучать. Но в этот раз скучать не пришлось.

— Ребята, у нас новый ученик. — объявила Елена Петровна, когда прозвенел звонок. — Прошу любить и жаловать. Егор Соболев. Перевелся из пятидесят седьмой школы. Прошу не обижать.

Дверь открылась, и в класс вошел ОН.

Тот самый курьер. В тех же джинсах и той же худи. Без сумки, но с рюкзаком, на котором болтался одинокий брелок в виде гаечного ключа.

Алиса поперхнулась воздухом. Он встретился с ней взглядом и в его серых глазах снова мелькнула та самая насмешка.

— Егор, садись вон туда. — классная показала на свободное место. И это место оказалось... позади Алисы.

Он прошел мимо. Алиса спиной почувствовала его шаги. Просто прошел, сел, достал тетрадь. Он даже не взглянул на нее больше. Как будто она пустое место. Как будто вовсе ине было той перепалки. Как будто она не принцесса, а так, одна из...

Алиса сжала ручку так, что та хрустнула.

— Привет, соседка. — раздалось сзади шепотом, когда учительница начала вещать про планы на год. — Скутер не поцарапала, пока от мусоровоза удирала?

— Отвали. — так же шепотом ответила Алиса, не оборачиваясь.

— Да уж, смотрю этикет тут действительно не преподают. — усмехнулся он. — Жаль. Тебе бы не помешало.

— Тебе бы душ не помешал. — огрызнулась Алиса. — После развоза пиццы.

— Я суши вожу. — поправил Егор абсолютно серьезно. — Пицца в другой конторе. Но это так, для сведения.

Сзади кто-то хихикнул. Катька Золотаревская обернулась и посмотрела на Алису круглыми глазами.

"Ты че, знакома с этим чудом?" — вопрос легко читался в ее взгляде.

Алиса зарылась пальцами в волосы, делая вид, что поправляет прическу.

"Знакома. Еще как знакома".

Вот только почему-то от этого знакомства внутри разливалась странная, непривычная, колючая вибрация. Злость? Да. Но злость пополам с любопытством.

Так начался этот год. Год, который перевернет всё.

Глава 2. Золотая клетка

После уроков Алиса почти всегда чувствовала пустоту. Это было странное ощущение. Когда вокруг бурлил шум, гам, когда одноклассники сбивались в стайки, обсуждая планы на вечер, внутри у нее была звенящая тишина. Гулкая, как в огромном олимпийском бассейне, из которого вдруг разом спустили всю воду, оставив только голые кафельные стены и тоскливое эхо.

Сегодня же было ну особенно паршиво. Ощущение чужого присутствия липкой паутиной прилипло к затылку.

Во-первых, этот Егор. Он сидел сзади и сверлил ее взглядом. Она физически чувствовала этот взгляд. Тяжелый, холодный, насмешливый, оценивающий, проникающий, кажется, сквозь идеально уложенную присеску прямо в черепную коробку. Она даже пару раз неожиданно оборачивалась, пытаясь застать его врасплох, но он каждый раз успевал опустить глаза в свою книгу.

Во-вторых, на большой перемене эта выскочка Катька подошла к ее парте, облокотилась бедром о столешницу.

— Али-ис, а че это за тип сидит сзади тебя? — громко спросила, растягивая слова. — Вы знакомы, что ли? Он какой-то реально странный, не от мира сего. Прикинь, он из какой-то там пятьдесят седьмой школы. Это ж спальный район, там одни быдлоны учатся. Ты бы поосторожнее, а то мало ли что у него на уме.

Алиса медленно, с достоинством пожала плечами, старательно изображая на лице полнейшее безразличие, даже почти брезгливость. Она даже смогла улыбнуться уголком рта, чтобы показать, насколько ей неинтересна эта тема.

— Понятия не имею, кто он такой. — ответила она небрежным тоном, поправляя манжет белоснежной блузки. — Перепутал парковку утром, пристроил свой рыдван рядом с моим скутером. Вот и все общение.

— А, ну смотри. — Катька стрельнула глазами в сторону Егора, оценивая его дешевую толстовку и старую книгу. — А то мало ли... Сейчас разные кадры встречаются. Может, он маньяк.

"Ты бы была только рада встрече с настоящим маньяком". — подумала Алиса, но ничего не ответила.

Она только снова повела плечом, давая понять, что разговор окончен. Но внутри у нее уже все кипело от злости. Егор же сидел за партой как ни в чем не бывало и читал книгу. Не в телефоне, не в планшете, не листал ленту соцсетей, а держал самую настоящую бумажную книгу с потрепанным, замусоленным корешком.

Алиса скосила глаза, пытаясь разобрать название. На обложке мелькали какие-то заумные формулы и слово "квантовая".

"Какая-то физика для ботаников". — решила она, сдерживая эмоции.

Но самое удивительное — он даже не поднял головы, когда Катька проходила мимо. Вообще ноль эмоций, ни один мускул не дрогнул на его лице. Как будто они все здесь — декорации в его личной вселенной, а он — единственный живой человек.

И это бесило больше всего. Бесило так, что хотелось подойти и выбить эту дурацкую книгу из его рук просто для того, чтобы он наконец посмотрел на нее. Посмотрел по-настоящему.

Звонок прозвенел своей противной трелью, эхо раскололо тишину опустевшего класса. Все разбежались за считанные секунды. Алиса осталась одна посреди всего этого хаоса из сдвинутых стульев и забытых тетрадей. Ну, не совсем одна, с водителем дядей Колей. Он уже наверняка ждал у входа, привалившись плечом к черному блестящему "Мерседесу", с новеньким

розовым скутером, скучающим в школьном гараже, с безлимитной кредиткой в чехле телефона и... с пустотой в груди размером с целое футбольное поле.

— Куда едем, Алиса Андреевна? — спросил дядя Коля, открывая перед ней тяжелую дверь машины и услужливо придерживая ее рукой в белой перчатке.

От него вкусно пахло мятной жвачкой и кофе. Скутер она оставляла в школьном гараже. Все равно уже было холодно, а ветер пронизывал насквозь.

— Домой. — коротко бросила Алиса, забираясь в салон и утопая в теплой мягкости сидений.

Она сразу уставилась в окно, давая понять, что болтать не в настроении.

Дядя Коля деликатно кашлянул, усаживаясь за руль.

— Может, в торговый центр заедем? — поймал ее взгляд в зеркале заднего вида. — Или в кафе? Там эта, как ее... новая кондитерская открылась с макаронами. Родители просили, чтобы вы не скучали и почаще выбирались куда-нибудь. Развеемся, так сказать.

"Родители просили. — Алиса горько усмехнулась. — Которые сейчас в Лондоне и Париже. Которые даже не позвонили сегодня утром, чтобы просто спросить человеческим голосом, как прошел ее первый учебный день в новой школе. — от этой усмешки в уголках губ прорезалась совсем недетская складка. — Прислали только дурацкий смайлик в ватсапе от мамы и короткую, как телеграмма, эсэмэску от папы: "Удачи в новом учебном году, дочь. Вечером перезвоню".

Вечером. В Лондоне в это время день, в Париже вечер, а у нее будет глубокая ночь. И когда он перезвонит..., если вообще перезвонит — непонятно. Может, через неделю. Может, когда вспомнит, что у него есть дочь.

— Домой. — повторила Алиса тверже, отрезая все пути к дальнейшим расспросам. — Я устала, дядь Коля. Просто устала.

Дядя Коля тяжело вздохнул, но спорить не стал. Он работал на семью Ветровых уже пять лет и успел изучить все повадки этой одинокой, колючей, как ежик, девочки. Он знал, если Алиса сказала "домой" таким тоном, значит, домой. И никакие макаруны, шоколадные фонтаны и бутики с дизайнерскими шмотками тут не в силах помочь. Даже если в этом огромном, сверкающем огнями доме ее никто не ждет, кроме уборщицы тети Нади, которая приходит по вторникам и пятницам и оставляет после себя стерильную чистоту и запах лимонной полироли.

Машина плавно, почти бесшумно вырулила со школьной парковки, мягко переваливаясь через "лежачих полицейских". Алиса прижалась лбом к холодному стеклу и смотрела на проплывающие мимо дома, на серое небо, на людей, на спешащих куда-то школьников с тяжелыми рюкзаками, на мам с разноцветными колясками, на стариков, греющихся на лавочках под скудным уже солнцем, на собачников с питомцами.

У всех была своя жизнь, наполненная какими-то мелкими, но важными событиями. У всех были свои заботы, свои маленькие радости и трагедии. А у нее? У нее были сеть отелей отца по всему миру, сеть бутиков матери в европейских столицах, кредитки с безлимитным лимитом и огромная, как частный космодром, четырехкомнатная квартира, в которой даже эхо гуляло как-то особенно тоскливо и потерянно.

Жилой комплекс "Небесный" возвышался над городом двумя гигантскими стеклянными башнями, которые в пасмурную погоду, казалось, протыкали низкие тучи своими шпилями. Тридцать пять этажей кричащей, показной роскоши. Пентхаусы на последних двух уровнях с панорамными окнами от пола до потолка и видом, от которого захватывало дух. Лифт с персональным кодом доступа, обитый изнутри дорогой кожей. Консьерж внизу, который всегда кланяется с дежурной улыбкой, как будто Алиса королевская особа, посетившая с визитом этот бренный мир.

Она вышла из лифта, стараясь не смотреть на свое отражение в зеркальной стене, приложила палец к холодному сканеру. Массивная входная дверь бесшумно отъехала в сторону,

впуская ее в идеальный, безжизненный мир, где все вещи лежали на своих местах. Но ни одна живая душа не ждала ее возвращения.

Внутри было... красиво. Даже слишком красиво. Так красиво, что хотелось зажмуриться. Дизайнерский ремонт в пастельных тонах. Бежевый, слоновая кость, оттенки шампанского. Над ним полгода корпели приглашенные из Милана архитекторы. Панорамные окна во всю стену, от пола до самого потолка, открывающие захватывающий дух вид на город. Итальянская мебель с идеально ровной обивкой, на которой ни складочки, ни потертости. Мягкий, утопающий под ногами ковер ручной работы из новозеландской шерсти. На него не ступала нога ни одного гостя за последние полгода, если не считать доставщиков еды и тетю Надю.

На стенах висели картины, которые мама покупала на аукционах "Сотбис" и "Кристис" через своего арт-консультанта. Алиса не понимала даже, как какие-то абстрактные разводы красок могли стоить дороже, чем квартира в спальном районе.

На полках красовались книги в тисненых кожаных переплетах с золотыми обрезами страниц — полное собрание русской и мировой классики, но которые никто и никогда не открывал, а стояли они исключительно для дополнения интерьера.

В огромном холодильнике, напичканном электроникой, ждала еда, приготовленная личным поваром, французом месье Люсьеном. Он приходил три раза в неделю и буквально колдовал над плитой так, что пальчики оближешь — фуа-гра, ризотто с трюфелями, воздушные профитроли. Но есть все это в гордом одиночестве совершенно не хотелось, потому Алиса чаще просто заказывала пиццу через приложение.

Она бросила тяжелый рюкзак прямо на пол в прихожей, не потрудившись повесить его в специальный шкаф. Скинув туфли, которые неудобно жали пальцы, прошла босиком в гостиную. Ноги моментально утонули в мягком ворсе ковра.

Город за стеклом внизу сверкал и переливался тысячами огней, словно драгоценное ожерелье, рассыпавшееся по бархату ночи. Тысячи окон горели желтым, теплым светом. Тысячи людей. Кто-то сейчас ужинал с семьей, кто-то смотрел телевизор, укутавшись в плед, кто-то ссорился, размахивая руками и не замечая, что пригорает ужин, кто-то мирился, обнимаясь на кухне. У всех был кто-то рядом. Пусть даже надоедливый брат, ворчливая бабушка или старый толстый кот. У нее был только этот вид из окна, молчаливый и безразличный.

Алиса забралась на широкий подоконник, обхватила руками колени, уперлась в них подбородком и уставилась в окно. Тишина в квартире стояла такая, что было слышно, как на кухне мерно гудит холодильник и тикают часы в коридоре.

Захотелось позвонить маме. Не по делу, не спросить про деньги или разрешение на что-то, а просто так, по-человечески. Захотелось просто слышать ее голос, спросить: "Как ты, мам? Чем занимаешься? Как там Париж? Идет дождь? Ты пьешь свой любимый кофе?".

Она набрала знакомый до боли номер и прижала трубку к уху, предвкушая разговор.

Гудок.

Еще один длинный, тягучий гудок.

А потом бездушный механический голос равнодушно произнес: "Абонент временно недоступен. Пожалуйста, перезвоните позднее".

"Наверняка мама на очередном совещании с дизайнерами, или на закрытой примерке новой коллекции.— вздохнула Алиса. — Или в спа-салоне, куда не доходит сигнал. А может просто увидела на экране мое имя и сбросила звонок, потому что сейчас не время для сантиментов".

Алиса проследила взглядом пролетевшую стайку голубей. Снова вздохнула, глянула на экран.

"Ладно. Папа. Папа-то должен быть свободнее. Он всегда говорил, что дочь — его главный приоритет, что он ради нее готов на все".

Она нажала на его имя в списке контактов, прикусив губу от волнения.

Гудок. Второй. Третий. Сердце успело екнуть в надежде, а потом...

— Да, доча! — голос отца прорвался сквозь шум, отчетливо слышались чужие голоса, женский смех, звон бокалов и приглушенная музыка. — Как дела, моя хорошая? Как школа? Все нормально?

— Нормально, пап. — ответила она, скрывая разочарование. — А ты где?

— Я в ресторане, доча. С важными партнерами из Дубая, подписываем контракт на новый отель. Самые что ни на есть ответственные переговоры. Ты кушала? Деньги есть на карте? Если что, я сейчас быстро тебе еще скину, прямо не отходя от стола.

— Есть, пап. Спасибо. Я не про деньги...

— А? Что такое? Что-то случилось? — в голосе мелькнула тень беспокойства, но тут же утонула в чем-то раскатистом смехе на заднем плане.

— Ничего. Я просто хотела поговорить.

— Поговорить? — он, кажется, растерялся. — Слушай, доча, тут ко мне как раз делегация подходит, жмут руки уже. Давай я тебе обязательно перезвоню вечером, хорошо? Часика через три, максимум четыре. Или завтра утром, если задержусь. Ты ложись спать пораньше, не жди меня. Учеба важнее, береги силы. Выспись хорошенько, набирайся ума-разума.

— Хорошо, пап. Пока.

— Целую, доча! Созвонимся!

Она нажала отбой, не дожидаясь, пока он первым повесит трубку. Три часа. Четыре. Или завтра утром. Она знала этот сценарий наизусть, могла бы проиграть его с закрытыми глазами. Завтра утром папа будет отсыпаться после переговоров и не услышит будильника, вечером у него снова запланирован деловой ужин, послезавтра он улетит в Дубай или Сингапур, а через неделю, чтобы загладить вину, пришлет в школу курьера с огромным букетом из ста одной розы и короткой, отпечатанной на карточке запиской, составленной, скорее всего, его секретаршей: "Моей любимой дочке. Прости, что не звоню, сумасшедший график. Очень занят. Люблю безмерно. Папа".

Телефон в руке коротко пикинул, завибрировал. Эсэмэска. Алиса открыла уведомление, заранее зная, что там. На экране высветилось: "Сбербанк: зачисление 50 000 руб. от Ветров А.А. Перевод. Комментарий: "На карманные расходы, солнышко".

Она горько усмехнулась, глядя на сумму с четырьмя нулями. Карманные расходы. На эти деньги можно было бы полгода спокойно жить где-нибудь в провинции, снимать квартиру и не работать вовсе. А для нее это были просто безликие цифры на счете, которые таяли так же незаметно, как и приходили. Сегодня пятьдесят тысяч, завтра еще сто. И ничего, пустота. И ни одной эсэмэски с простым человеческим вопросом: "Как ты на самом деле?".

Алиса резко встала с подоконника, оставив на стекле едва заметный след дыхания. Медленно, волоча ноги по мягкому ворсу ковра, прошла в свою комнату. Огромная спальня встретила ее стерильной тишиной. Кровать с воздушным балдахином из полупрозрачного шелка, достойная какой-нибудь принцессы из сказки, занимала центральное место.

Гардеробная, больше похожая на небольшой бутик, ломилась от вещей с болтающимися бирками. Платья, юбки, блузки, свитера кашемира, коробки с обувью, которую она даже не успевала толком распаковывать и носить, не говоря уж о том, чтобы изнашивать.

Туалетный столик из прозрачного оргстекла был уставлен баночками с кремами и духами. Над ним висело профессиональное зеркало с лампочками по периметру, как в голливудских гримерках. Это был подарок мамы "для будущей звезды".

В углу сиротливо темнел стеллаж с наградами: кубки и медали за бальные танцы, грамоты за победы в музыкальных конкурсах, фотографии в рамках, где маленькая Алиса в пышном платье улыбается, стоя у рояля. Всем этим она занималась в детстве с упоением, пока не бросила. Просто в какой-то момент стало не для кого стараться, незачем выкладываться на тренировках, если в зрительном зале неизменно пустовали два места в первом ряду.

Все в этой комнате, было чужим. Декорацией. Красивой позолоченной клеткой, в которой сидела она одна.

Алиса медленно подошла к окну и долго стояла, прижавшись лбом к прохладному стеклу. Смотрела вниз, на раскинувшийся под башнями город. Ее взгляд невольно скользнул туда, где далеко за рекой, за мостом, терялись в темноте очертания старого района. Именно там, среди облупившихся пятиэтажек и чахлых дворов, жил этот Егор.

Она поймала себя на мысли, что завидует его жизни. Той самой простой и понятной жизни, в которой есть ради кого просыпаться по утрам. Жизни, в которой тебя не просто содержат на отдельном счете, а ждут.

Она резко отвернулась от окна, словно ее застали за чем-то постыдным, подошла к письменному столу и выдвинула нижний ящик. Под ворохом старых тетрадей и ненужных бумаг она нащупала потрепанный блокнот. Обычный, дешевый, в клеточку, купленный когда-то в подземном переходе у метро за смешные сорок рублей. Таких блокнотов у нее была целая стопка. И все они были заполнены неровным, прыгающим почерком. В них она писала, когда никто не видел и не мог застать за этим "глупым", как выразилась бы мама, занятием.

Стихи.

Глупые, наивные, корявые и несовершенные, полные подростковых метафор и слишком громких слов. Строчки, которые вырывались изнутри, как воздух из проколотого шарика. Она никогда и никому их не показывала. Даже лучшей подруге. Которой у нее, по большому счету, никогда и не было. Были приятельницы для совместных фотографий в инстаграм.

Ручка легла в пальцы привычным, почти интимным жестом, заскользила по бумаге, оставляя за собой влажный чернильный след.

*Стеклянный дом до неба достает,
Внутри так тихо, что звенит в ушах.
Здесь каждый что-то важное жует,
Но счастье не живет на этажах.
А там, внизу, где свет в окне горит,
Где пахнет хлебом и вареньем от плиты,
Там кто-то просто рядышком сидит,
И зажигает звезды с высоты.*

Она перечитала написанное, шевеля губами. Мучительно поморщилась, чувствуя, как к щекам приливает краска стыда.

— Глупость какая-то. Сентиментальная, сопливая чушь. "Зажигает звезды с высоты" — надо же было такое придумать. Стыдобница.

Она дернула уголок листа, собираясь с хрустом вырвать его, смять и выбросить, но рука замерла на полпути. Пальцы дрогнули и разжались. Не смогла. Бережно, почти нежно она разгладила страницу, закрыла блокнот, спрятала его обратно под ворох бумаг в ящике и с глухим стуком задвинула его до упора.

За огромным панорамным окном окончательно стемнело, мир погрузился в чернильно-синюю ночь. Город внизу горел миллионами равнодушных огней. В каждом из них теплилась чья-то жизнь — настоящая, полная забот и радостей. И только в ее огромном окне, высоко-высоко над землей, горел холодный электрический свет лишь для нее одной.

Алиса резким движением задернула тяжелые портьеры, отрезав себя от этого манящего и недоступного мира внизу.

Рухнув на кровать не раздеваясь, устала в идеально белый, без единой трещинки, потолок. Перед глазами, словно навязчивое видение, снова и снова вставали серые глаза. Насмешливые. Спокойные. Глаза, которые смотрели сквозь нее, не замечая ни брендовой одежды, ни статуса. И отчего-то эти глаза не давали ей покоя сейчас сильнее, чем все ее одиночество, вместе взятое.

— Дурак. — прошептала она в густую, обволакивающую темноту спальни. — Курьер несчастный. Принес посылку, так езжай себе дальше.

Но глубоко внутри, где-то под сердцем, что-то предательски дрогнуло. Что-то тонкое, хрупкое и совершенно незнакомое. Чему она пока не могла найти ни названия, ни объяснения. И это пугало ее гораздо больше, чем перспектива провести еще один вечер в одиночестве.

А на другом конце города, в старом районе, где улицы освещались редкими желтыми фонарями, а асфальт помнил еще советские трактора, в обыкновенной трехкомнатной хрущевке на пятом этаже без лифта Егор сидел за кухонным столом и чистил картошку. Старый, выдавший виды нож с деревянной ручкой привычно лежал в его ладони, срезая тонкую коричневую кожуру длинной, непрерывной спиралью. Картофелина за картофелиной уходила в эмалированную миску с холодной водой.

Отец возился у плиты, помешивая деревянной лопаткой нарезанный полукольцами лук на старой, закопченной по краям чугунной сковородке. Эта самая сковорода эта досталась еще от бабушки.

По маленькой кухне плыл густой, сладковатый запах жареного лука, смешанный с ароматом свежего черного хлеба, который отец еще с утра купил в булочной за углом. От этого запаха становилось тепло и спокойно. Егор невольно поймал себя на мысли, что ради таких вот тихих вечеров он и готов таскать тяжести и развозить посылки по всему городу.

— Ну, как школа? — спросил отец, не оборачиваясь от плиты. — Рассказывай давай. Элитная гимназия, не хухры-мухры. Не зазнавайся там, смотри, в своей элитке. Помни, кто ты и откуда.

— Нормально. — Егор ловко отправил в миску картофелину и потянулся за следующей. — Класс как класс. Ничего особенного. Парты такие же деревянные, доска такая же зеленая. Девки все накрашенные, как на витрину, духами за километр несет. Пацаны с понтами, чуть что — сразу за телефоны хватаются, меряются, у кого модель новее. Одна особенно меня сегодня чуть не сбила.

— Красивая? — отец чуть повернул голову.

В его голосе Егору послышалась едва заметная усмешка.

— Да не в этом дело, пап. — отмахнулся он, стряхивая с пальцев картофельные очистки в мусорное ведро. — Стервозная по самое не балуй. Принцесса местная. Смотрит на всех, как на грязь под ногами. Утром поругались с ней конкретно.

Отец обернулся, вытер руки о край старого ситцевого фартука в цветочек, который они с сыном в шутку называли "семейной реликвией".

— Из-за чего поругались-то? — прищурился с неподдельным интересом. — Ты ж у меня обычно парень неконфликтный. Что она тебе сделала?

— Да из-за ерунды, если честно. — Егор вздохнул, вспоминая утреннюю сцену. — Место на парковке не поделили. Она на своем розовом скутере дорогушем, вся из себя такая, шлем в стразах, перчатки белые кожаные. А я на велике. Она встала прямо поперек проезда, мусоровоз сигналит, все орут, а ей хоть бы хны. Думает, наверное, что ей всё можно и весь мир перед ней должен расступаться. Папа у нее богатый, сеть отелей по всей Европе, мама богатая, бутики в Париже. А сама, по-моему, глубоко несчастная. Я таких сразу вижу.

Отец прислонился бедром к кухонной тумбе, скрестил руки на груди и внимательно посмотрел на сына.

— Это ты как понял, сыщик? — загорелое лицо с гоубокими морщинками вокруг глаз стало серьезным. — За пять минут знакомства? Или ты уже мысли научился читать?

Егор пожал плечами и, прежде чем ответить, пододвинул к себе миску с очищенной картошкой, проверяя, не осталось ли где "глазков".

— Глаза. У нее глаза слишком гордые, понимаешь? Взгляд такой, что прожжет насквозь любого, кто посмеет приблизиться. А такие глаза бывают только у тех, кто до смерти боится показать, как ему на самом деле больно. Это как защита. Как броня. Она смотрит на всех сверху вниз не потому, что правда считает себя лучше, а потому что по-другому не умеет.

Отец усмехнулся, покачал головой, подошел к столу и по-отечески, всей своей широкой и теплой ладонью, взъерошил сыну волосы.

— Философ ты мой. Психолог доморощенный. И в кого ты у меня такой уродился? Ладно, давай сюда картошку, горе-сыщик. Сейчас ужинать будем, пока лук не подгорел окончательно.

Егор передал миску, но из-за стола не встал. Он мялся, крутил в пальцах подвернувшуюся под руку чайную ложку, разглядывая потертый узор на клеенке. Вопрос, который он носил в себе уже несколько недель, вдруг подкатил к горлу. И сдержать его он уже не мог.

— Пап. — его голос прозвучал тише, чем обычно, почти глухо. — А мама... она ведь никогда не вернется? Совсем-совсем?

Тишина повисла в кухне такая густая, что, казалось, ее можно было резать ножом. Слышно было только, как на плите угрожающе шипит лук на сковороде. Отец медленно отвернулся обратно к плите. Но Егор заметил, как напряглись его плечи, как побелели костяшки пальцев, сжимающих деревянную лопатку, как он на мгновение замер, словно раздумывая над каждым словом.

— Сын, — наконец произнес он. — мы же с тобой уже говорили об этом. И говорили не раз. У нее своя жизнь теперь, у нас с тобой — своя. И мы с тобой, Егорка, прекрасно справляемся. Вдвоем. Разве нет?

— Я знаю, пап. — поспешно ответил Егор, чувствуя, как внутри что-то болезненно сжалось. — Я просто спросил. Просто... вспомнилось что-то. Сам не знаю почему...

Они ели молча, под мерное тиканье старых ходиков на стене и редкие звуки с улицы. Ужин был простой, без затей — рассыпчатая картошка с золотистым жареным луком, хрустящие соленые огурцы прямо из трехлитровой банки, которую они засаливали еще прошлым летом вместе, черный хлеб с хрустящей корочкой, да по кружке крепкого черного чая с сахаром. Простая, можно сказать, солдатская еда. Но Егору она казалась вкуснее любых ресторанных деликатесов, любых трюфелей, устриц и прочей буржуйской ерунды, которой, он был уверен, питалась та принцесса в своей башне из стекла и бетона. Потому что рядом сидел отец, пусть и усталый после смены, но находящий в себе силы улыбаться и спрашивать про школу. Потому что на столе лежала клеенка в цветочек, которую они вместе выбирали на рынке. Потому что в старой духовке тихо потрескивал огонь. Потому что здесь, в этой маленькой кухне с облупившейся кое-где краской на стенах, был дом. Настоящий дом.

После ужина, составив посуду в раковину и наскоро ополоснув ее под краном, Егор ушел в свою комнату, крошечную, всего девять квадратных метров, но зато полностью его собственную. Он сел за старый письменный стол, заваленный учебниками, тетрадями и деталями от разобранного приемника, включил старенький, но все еще бодро работающий ноутбук и открыл задание по физике.

Но мысли, непослушные и своенравные, улетали куда-то совсем не туда, далеко за пределы школьной программы. Он поймал себя на том, что уже минуту смотрит в одну точку, вертя в пальцах карандаш.

Он вспомнил, как эта девчонка, эта Алиса Ветрова, смотрела на него утром на парковке. С вызовом, с искренней, почти детской злостью, с готовностью вцепиться в глотку любому, кто посмеет посягнуть на ее территорию. А потом, когда он просто молча прошел мимо, не вступая в перепалку, в ее глазах на какую-то долю секунды мелькнуло что-то совсем другое. Что-то, что она тут же спрятала за новой волной негодования.

Растерянность?

Ранимость?

Интерес?

Он так и не понял до конца.

— Принцесса. — тихо усмехнулся Егор сам себе под нос.

Мотнув головой, заставил себя опустить взгляд в учебник. Но перед глазами, словно навязчивая картинка, всё стоял тот самый розовый скутер, сверкающий на солнце шлем в стразах, разметавшиеся по плечам светлые волосы...

И глаза. Очень красивые, очень дорогие, обрамленные пушистыми ресницами при этом очень, очень грустные глаза. Глаза человека, у которого есть всё и в тоже время нет ничего.

Глава 3. Дом, где пахнет деревом

Суббота выдалась на редкость паршивой. Родители Алисы, как обычно, были в разъездах, Катька Золотаревская укатила с семьей на выходные в Геленджик (в октябре, серьезно?). Остальные одноклассники, с которыми можно было бы потусить, дружно заболели или делали вид, что заболели, лишь бы не тащиться в такую промозглую погоду в торговый центр.

Алиса провалялась в кровати до обеда, листая ленту Инстаграма и рассматривая чужие счастливые лица. Кто-то завтракал в кафе с видом на море, кто-то обнимался с парнем на фоне осеннего парка, кто-то просто смеялся в компании друзей.

У нее не было ни моря, ни парня, ни компании. Было только огромное окно, за которым лил противный октябрьский дождь, да тишина, нарушаемая гулом холодильника.

В два часа дня до не дошло, что еще совсем немного и она сойдет с ума. Нужно было срочно сменить обстановку, выбраться. Куда угодно. Хоть в магазин за ненужной жвачкой.

Она натянула джинсы, свитер, накинула плащ, сунула ноги в кеды и выскочила из квартиры, даже не глянув на себя в зеркало. Консьерж внизу удивленно поднял брови. Обычно Алиса Ветрова не позволяла себе выйти на улицу без макияжа и укладки.

— Машину подавать? — спросил он.

— Нет, пешком пройдуся. — буркнула Алиса и нырнула под дождь.

Город встретил мокрым асфальтом, чавкающими под ногами лужами и серым небом, которое нависало так низко, что, казалось, до него можно дотянуться рукой. Алиса шла без цели, просто вперед, сворачивая в незнакомые переулки, разглядывая старые дома, облупившуюся краску на фасадах, рекламные вывески на кириллице, которые в центре давно заменили на английские.

Спустя время она забрела в какой-то спальный район. Пятиэтажки, девятиэтажки, хрущевки с облезлыми балконами, заставленными лыжами и старыми чемоданами. Детские площадки с ржавыми качелями. Магазины с кривыми вывесками "Продукты 24 часа". Все это было так непохоже на ее центр с охраняемыми жилыми комплексами и вылизанной плиткой, что Алиса невольно засмотрелась.

И вдруг она увидела его.

Егор. В той же серой худи, натянув капюшон на голову, он шел по тротуару. Рядом с ним шел мужчина в рабочей спецовке и большой сумкой в руках. Они о чем-то разговаривали. Мужчина, видимо отец, активно жестикулировал, а Егор кивал и улыбался. Не насмешливо, как в школе, а по-настоящему, тепло.

Алиса замерла за углом дома, даже не понимая, зачем прячется. И сердце отчего-то забилось быстрее. Егор с отцом свернули во двор, подошли к подъезду одной из пятиэтажек. Отец поставил сумку на землю, достал ключи и... в этот момент Егор обернулся.

Алиса вжалась в стену, хотя он не мог ее видеть. Было слишком далеко, да и дождь заливал стекла очков, которые она надела вместо линз. Но почему-то показалось, что он смотрит прямо на нее.

Отец открыл дверь, они зашли внутрь. Дверь захлопнулась.

Алиса стояла под дождем и не могла сдвинуться с места. Просто стояла и смотрела на облезлую дверь, за которой скрылись эти двое. Отец и сын. Вдвоем. Им не нужны были розовые скутеры и панорамные окна. Им хватало друг друга.

Она не заметила, как по щеке потекла вода. То ли дождь, то ли слезы. Уже не разобрать было.

Вечером того же дня Алиса лежала на кровати и смотрела в потолок. Перед глазами стояла запомнившаяся картинка: отец Егора ставит сумку на землю, Егор поправляет капюшон, они переглядываются и улыбаются.

Такая обычная сцена. Такая простая. И такая... недоступная для нее.

Она достала телефон, зашла в Инстаграм, нашла страницу Егора. Подписчиков — 43 человека. Фото — всего шесть. Последнее было выложено месяц назад. На снимке — старый мотоцикл, отремонтированный, покрашенный и подпись: "Почти готов. Скоро покажу, на что способен".

Ни одного селфи. Ни одного пафосного снимка в кафе. Просто жизнь.

Алиса листала, разглядывая каждую мелочь. На одном из фото — полка с книгами, сделанная своими руками (явно сам мастерил, видно по неидеальным стыкам). На другом — чашка чая на подоконнике. На третьем — отец чинил кран, под фото подпись: "Главный мастер. Учусь у лучшего".

Она задержалась на этом фото. Отец Егора был некрасивым, даже грубоватым. Но в его лице было столько спокойной уверенности, столько тепла, что Алиса вдруг почувствовала, как защипало в носу. Ее собственный отец... она не могла вспомнить, когда в последний раз видела его в рабочей одежде. Он всегда в костюмах, при галстук, отутюженный, наглаженный, ненастоящий. И у него никогда не было таких морщинок у глаз. Потому что не от чего. Потому что он не улыбался по-настоящему. Или она просто не помнила.

Телефон пикинул.

Сообщение от Катьки: "Алиска, привет! Как ты? У нас тут море, кайф! Держи фоточку". На фото Катька в купальнике на фоне серого моря, под дождем. Но с улыбкой до ушей.

Алиса нажала "лайк" и отложила телефон. Ей не хотелось никому отвечать. Не хотелось притворяться, что у нее все отлично.

Она снова открыла Инстаграм Егора и подписалась на него с левого аккаунта, который завела когда-то, чтобы следить за модными блогерами, не светя свое имя. Просто так. Просто чтобы видеть. Чтобы хоть немного прикоснуться к этой другой жизни, где пахнет деревом и вареньем, где чинят краны и красят мотоциклы, где есть простое человеческое тепло.

Через пять минут пришло уведомление: "@egor.sobolev начал читать вас".

Алиса даже подскочила на кровати. Он подписался. В ответ. Зачем? Он же не знает, что это она. Или знает? На аватарке у нее просто цветок. И имя — "liliya_flowers". Он не мог догадаться.

Но сердце бешено заколотилось.

В понедельник в школе Алиса делала вид, что Егора не существует. Сидела к нему спиной, не оборачивалась, не реагировала на его редкие реплики. Но кожей чувствовала каждое его движение. Вот он достал тетрадь. Вот перелистнул страницу. Вот почесал переносицу. Она даже знала, когда он смотрит на нее. В эти моменты затылок начинал гореть.

На большой перемене, когда Алиса стояла у окна в коридоре и делала вид, что очень занята телефоном, рядом возникла Катька.

— Слышь, Ветрова, а че это ты на этого нищеврода с левого аккаунта подписалась?

Алиса вздрогнула так, что телефон едва не выпал из рук.

— Чего?!

— Я говорю, ты на Соболева в инсте подписалась. У меня рекомендации вылезли. А я думаю, с чего бы это? Вы ж вроде не дружите.

— С ума сошла? — Алиса заставила себя рассмеяться. — С какого левого аккаунта? У меня один, ты знаешь.

— Ну, значит, показалось. — пожала плечами Катька.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.